ХОД
БЕЛОЙ
КОРОЛЕВЫ
АЛЕКСЕЙ
ЕВДОКИМОВ
18+

Алексей Евдокимов

Ход белой королевы

Серия «Ход белой королевы», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70207435
SelfPub; 2023

Аннотация

Легко ли быть подругой олигарха, когда становишься объектом изощренного воздействия профессионалов спецслужб? Надежда Смирнова почувствовала это на себе… Вокруг нее, как в гигантском калейдоскопе, мелькают события и люди. И понять, кто есть кто, отличить истинные чувства от идеально сыгранной роли поможет только ее святая вера в любовь.

Содержание

Предисловие 4
Часть первая. Возвращение 5
Год спустя. Вена… 5
Год спустя. Москва… 41
Конец ознакомительного фрагмента. 70

Алексей Евдокимов
Ход белой королевы

Предисловие

Уважаемые читатели я представляю вашему вниманию свою новую книгу «Ход белой королевы». Чтобы вы лучше ориентировались в сюжете этой книги, хотел бы кратко остановиться на содержании предыдущей. Действие романов охватывает период с начала двухтысячных годов по настоящее время. Известная российская топ-модель Надежда Смирнова оказывается втянутой в криминальные разборки между своим знакомым, бизнесменом Вахтангом Гонгадзе и его конкурентами из металлургической корпорации. Она знакомится с сотрудником спецслужб Дмитрием Федоровым, который привлекает ее к сотрудничеству. Решая порвать с Гонгадзе, Надежда остается жить в Австрии и поступает на работу в международное модельное агентство. Внезапно к ней приезжает Федоров. Надежа понимает, что в Москве что-то произошло…

Часть первая. Возвращение

Год спустя. Вена…

Часы звонили долго и настойчиво. Не открывая глаз, Надежда поискала их рукой на тумбочке. С трудом нашла среди валяющегося в беспорядке содержимого косметички знакомый угловатый корпус и поднесла их к лицу. Было половина девятого. "Еще полежу…" – взглянув на мерно двигающиеся по циферблату стрелки, решила она. Сегодня было воскресенье, и можно было никуда не спешить и валяться в постели хоть до обеда.

Глубоко вздохнув, она по привычке скинула ногами на пол одеяло. С наслаждением вытянула их, уперев пятки в, занавешенную потертым ковром стену, и закрыла глаза. Ей всегда нравились эти тихие утренние часы, когда голова еще не забита повседневными заботами и тревогами и можно просто так, лежать, и ни о чем не думать или забыться в своих мечтах, отключившись от этого сложного, полного проблем и тревог мира.

Она постоянно так делала в последнее время, когда неудачи стали преследовать ее особенно часто, и это всегда помогало ей вернуть себе душевный покой и равновесие. Снова поверить в себя. Влить в усталое и разбитое тело бодрость

и энергию.

Ощутив в кончиках пальцев приятную легкость, она закрыла ладонями лицо, чтобы даже слабые лучи света не проникали к глазам, и попыталась погрузиться в столь желанные воспоминания. Несколько минут перед ней вставали картины из прошлого, но уйти в этот мир безмятежности и покоя ей так и не удавалось. Неприятные мысли одна за другой упорно лезли ей в голову, и отвлечься, забыть о них она так и не смогла.

Вчера у нее был тяжелый день. Фотографы в модельном агентстве, где она работала вот уже полгода, готовили материалы для очередного рекламного буклета, и ей пришлось до позднего вечера проторчать на затянувшейся фотосессии. Заказчики попались на редкость привередливые, и ее просто замучили, три часа снимая на фоне кривых рассохшихся стульев и покрытых пылью зеркал, не давая ни на минуту присесть и разрешая лишь короткие перекуры в коридоре.

Потребовалось делать несколько лишних дублей и постоянно менять весьма, вызывающие, и недвусмысленные позы, но даже этого откровенного стриптиза оказалось недостаточно, и, чтобы окончательно уломать несговорчивых заказчиков, Надежде пришлось по распоряжению старшего менеджера агентства в перерыве между съемками им прозрачно намекнуть на возможность проводить ее домой после посещения ближайшего ресторана.

Вспомнив, как она весь вчерашний вечер корячилась на

стуле перед тремя пускающими слюни старыми мужиками, Надежда скривилась, как от зубной боли, и, не сдержавшись, громко выругалась. Она с ожесточением повернулась на другой бок, и, когда ее взгляд уперся в оклеенную старыми выцветшими обоями стену, раздражение закипело в ней с новой силой.

Ей вспомнился вчерашний неприятный разговор со стилистом агентства, и Надежда, увидев перед глазами его похожее на лоснящийся блин лицо, непроизвольно сжала кулаки. Черт бы побрал этого противного толстяка! Вечно лезет, куда ему не надо. Поругалась она с ним вчера вдрызг. Ему-то какое дело до того, как она выглядит?!

Полежав в кровати, еще минут пять, Надежда, морщась от ноющей боли в висках, встала и, набросив на плечи халат, босиком подошла к полуоткрытому окну. Прохладный ветерок, в котором уже чувствовалось дыхание ранней осени, слабо шевеля занавески, проникал в комнату. На улице, освещенной все еще ярким сентябрьским солнцем, среди многоголосого шума толпы слышались гудки проносящихся мимо автомашин и звонки трамваев. "Даже в выходной здесь всем неймется! – скользнув сонным взглядом по вечно спешащим куда-то суетливым венцам, с неприязнью подумала Надежда. – А в Москве сейчас тишина. На улицах, наверное, пусто".

Она, разведя в стороны руки, потянулась и, вспомнив вчерашний разговор в агентстве, подошла к стоящему в углу

большому зеркалу. "Ну и рожа у меня! – увидев свое отекшее, с припухшими глазами лицо, с грустью подумала она. – И морщинки кое-где уже появились, и второй подбородок растет…" Она нахмурилась и, сняв халат, стала придирчиво разглядывать в зеркале свое отражение. Потрогала располневшую талию и выпирающий вперед живот. Осторожно пощупала грудь. Тихо вздохнула. Да!.. С таким брюхом точно могут выгнать. И грудь налилась, на два размера больше стала. А вроде и не беременна. Сама не заметила, как располнела. Правда, ноги еще ничего. Вполне. И волосы пока не обтрепались. Хорошо, показов и съемок было мало.

Она еще раз оглядела себя с ног до головы и, снова вздохнув, потерла ладонями заспанное лицо. "Никогда бы не подумала раньше, что буду так выглядеть. Хотя… – горько усмехнулась она. – Все бабы рано или поздно на одно лицо становятся. Как замуж выскочишь, пиши, пропало. А если еще родишь… – она состроила в зеркале умиленно-трогательную физиономию, стараясь походить на висевшую, на стене репродукцию с картины Рафаэля, – тогда все. Дел столько, что о себе уже думать некогда. Только бы эту ненасытную ораву во главе с любимым муженьком прокормить!"

Осторожно ступая голыми пятками по холодному паркетному полу, Надежда через заваленный старым хламом коридор прошла на кухню. Поставив разогреваться в микроволновку тарелку со вчерашней овсянкой, она вытащила из ящика стола толстую, обернутую пожелтевшей газетой кули-

нарную книгу и, наморщив лоб, присела у стола.

"Как же она называется?" – подперев кулаком подбородок, подумала она. Вчера Эгон ей два раза повторял название. И мамаша его, когда они были у нее на фазенде, полчаса рецепт рассказывала. Надежда с силой потерла кончиками пальцев виски. "Вот ведь дура! – выругала она себя. – Не стала записывать, думала, название запомню – и ладно".

Она встала. Налила в большую эмалированную кастрюлю воды и двумя пальцами осторожно вытащила из морозильника тушку дикой утки.

"Ничего…" – осматривая ее со всех сторон, решила она. – "Пока бульон закипит, глядишь и вспомню."

Она уже заканчивала выковыривать ножом розоватые, покрытые инеем утиные потроха, когда в прихожей раздался, еле слышный за шумом льющейся из-под крана воды, звонок в дверь. Надежда подняла голову.

"Кого там в такую рань несет?" – удивилась она, вытирая руки о передник. – "Может Эгон уже приехал? Но почему так рано? Мы же договаривались с ним на два часа, к началу дневного сеанса в кинотеатре."

Она выбросила утку в раковину, застегнула халат и, шлепая мокрыми ступнями по полу, пошла к входной двери.

Несколько секунд девушка растерянно смотрела на утреннего гостя. Затем ее щеки стали покрываться легким румянцем и, она, смущенно улыбнувшись, шагнула в сторону. Дмитрий Николаевич вошел в прихожую и, преодолев се-

кундную неловкость, поздоровался:

– Здравствуй Надя! Извини что так рано… – он замялся, не зная, что сказать дальше, но Надежда вдруг спохватилась и, взяв его за руку, радостно произнесла.

– Конечно, здравствуй! Хорошо, что ты приехал. Проходи.

Она потянула Дмитрия Николаевича за собой и, через коридор, обходя разбросанные на полу пустые банки из-под пива и газеты, провела в гостиную. Показав на стоящий в углу диван, Надежда спросила.

– Садись. Кстати, ты завтракал? У меня как раз все готово.

– Спасибо. – Федоров кивнул. – Я уже поел.

Расстегнув пиджак, он поставил на старый, потрескавшийся от времени пол свой дипломат и окинув взглядом обстановку комнаты осторожно, чтобы не помять покрывающее диван одеяло присел на его край. Обстановка гостиной не отличалась изысканностью. Помимо дивана, в ее углу стояли еще несколько старых поломанных стульев. У противоположной стены разместилось трюмо с треснувшим зеркалом. А середину комнаты занимал огромный старинный шкаф, видимо еще ручной работы мастеров прошлого века. Обои коричневого цвета с золотыми виноградными гроздьями придавали всему интерьеру гостиной немного мрачноватый вид.

– Час назад прилетел в Вену, а следующий рейс у меня в полдень. Вот я и решил к тебе заскочить, пока время

есть. – пояснил Дмитрий Николаевич. – Звонить не стал. Хотел сюрприз сделать.

– Правильно! – Надежда быстро подошла к стоящему рядом с диваном стулу и взяла с него брошенные вчера в беспорядке вещи. – Подожди минутку. Я сейчас переоденусь.

Она торопливым шагом вышла в соседнюю комнату и, прикрыв за собой дверь, подошла к платяному шкафу. "Интересно, зачем он приехал?" – роясь в шкафу и перебирая висящие там вешалки с одеждой, подумала она. – "Столько времени не было, и вдруг появился. Даже не позвонил."

Вытащив одну из вешалок, она положила ее на кровать и, сбросив с себя халат, начала одеваться. С трудом, извиваясь всем телом, натянула на себя старые потертые джинсы и коротенькую, едва прикрывающую живот, майку. Феном быстро подсушила влажные после сна волосы и, найдя на столике губную помаду и тушь для ресниц, несколькими движениями поправила на лице макияж.

Они расстались десять месяцев назад. В декабре, выйдя из клиники, Дмитрий Николаевич, как только начал самостоятельно ходить, сразу же улетел в Москву и с тех пор они не виделись и общались только по телефону. Надежда захотела лететь вместе с ним, но он уговорил ее остаться в Вене, пока в Москве все окончательно не успокоится, и ее безопасности больше ничто не будет угрожать.

Ей сняли недорогую двухкомнатную квартиру на окраине города, и с помощью посольства устроили на работу в до-

вольно престижное австрийское модельное агентство, куда принимали на работу, в том числе и девушек из Восточной Европы. Федоров высылал ей каждый месяц небольшие денежные переводы и в коротких телефонных разговорах сообщал о последних московских новостях.

Их беседы касались в основном ситуации вокруг Гонгадзе и того уголовного дела, которое завели по факту ее похищения в Австрии. От ее настойчивых попыток обсудить с ним возможность возобновления их связи, он всеми способами уклонялся – шутил или ссылался на нехватку времени.

Поведение Федорова удивило и расстроило Надежду. После того, что они вместе пережили и испытали, ее тянуло к нему. И чем дольше они не виделись, тем, как ни странно, сильнее становилось это чувство. Их вынужденное расставание она переживала очень тяжело. Стала раздражительной, замкнутой. Постоянно ссорилась с подругами. Скандалила по всяким пустякам на работе.

Она несколько раз порывалась поехать в Москву. Даже взяла билеты. Но в посольстве ей посоветовали не торопиться и дождаться более благоприятной ситуации. Следствие по делу о ее похищении все еще продолжалось и она, как, главный свидетель и потерпевший, уже после отъезда Федорова, несколько раз давала в полиции дополнительные показания.

Несмотря на ее настойчивые просьбы, австрийские власти пока отказывались разрешить ей выезд в Россию до окончания всех необходимых по закону следственных меропри-

ятий. Это обстоятельство становились непреодолимым препятствием между ней и Федоровым. Время неумолимо шло. И по их все более редким и коротким телефонным разговорам, она начала осознавать, что он теряет к ней свой интерес и очевидно рассматривает их знакомство, не более, как случайную мимолетную связь.

В модельном агентстве, где работала Надежда, она пользовалась успехом у мужчин, и ей несколько раз делали весьма заманчивые предложения о замужестве. Она медлила с ответом и, в конце концов, все их отклонила. Но, поняв, что у них с Федоровым все кончено, решила, наконец, устроить, и свою личную жизнь.

На одном из показов, она познакомилась с симпатичным молодым парнем, сыном владельца небольшой мебельной фабрики, расположенной в окрестностях Вены. Эгон, так его звали, ей понравился. Через три месяца знакомства он сделал ей предложение, и после долгих раздумий она дала согласие на брак с ним. Свадьбу на семейном совете с участием родителей Эгона, они решили сыграть в этом году на рождество.

В преддверии замужества Надежда с головой погрузилась в домашние хлопоты. Работу в агентстве постепенно забросила. Стала появляться там все реже и реже, и только тогда, когда клиенты выбирали для съемок только ее, и отказывались от услуг других моделей. Она перестала следить за собой, посещать тренажерные залы и косметические салоны.

Отказалась, под влиянием родителей Эгона, от диеты и стала быстро набирать вес. Все это не могло не сказаться на ее внешности. В агентстве ее уже предупредили, что если ситуация не изменится, то с ней до конца года могут разорвать контракт.

Эгон уже месяц назад, предложил Надежде переселиться жить к нему в пригород. У его родителей там была небольшая птицеферма и они хотели видеть будущую невестку у себя. Но она все тянула, отказывалась, придумывая разные причины. Как будто чего-то ждала. И, похоже, ее ожидания были не напрасны.

Две недели назад ей вдруг неожиданно позвонил Гонгадзе и поздравил с наступающим днем рождения. А теперь появление, в столь неурочный час, у нее на квартире Федорова, после стольких месяцев расставания. Она сразу поняла, что все это не спроста. Наблюдая за Дмитрием Николаевичем, она заметила, что он сильно волнуется, хотя всеми силами и старается это скрыть. "Вот опять галстук поправляет!" – усмехнулась она, отмечая в очередной раз знакомый ей жест. Эту его привычку она заметила еще в прошлом году в Альпах. И единственной причиной такого поведения Федорова, считала она, могли быть только какие-то чрезвычайные обстоятельства. Очевидно, в Москве что-то случилось, и раз он приехал сюда сам и без предварительного звонка, что-то очень важное.

Закончив одеваться, она посмотрелась на себя в зеркало, расправила на майке складки, образовавшиеся после стирки и, надев туфли на высоком каблуке, пошла в гостиную. Дмитрий Николаевич сидел на диване и просматривал свежие венские газеты. Взглянув на вошедшую девушку, он понимающе улыбнулся.

– Ты прямо хорошеешь с каждым днем! Садись, пожалуйста. – он указал рукой на место рядом с собой. – У меня скоро самолет, а я с тобой еще о многом хочу поговорить.

Подойдя к дивану, Надежда смахнула с одеяла на пол несколько окурков и, вздохнув, присела рядом с ним.

– Расскажи, пожалуйста, как ты здесь живешь? – попросил Дмитрий Николаевич, внимательно разглядывая ее сильно располневшую с большой, налитой грудью, фигуру.

Надежда пожала плечами и, откинув сползшие на лицо еще не успевшие высохнуть волосы, спросила.

– Ну а что рассказывать?

– Мне все интересно! – ободряюще улыбнулся Дмитрий Николаевич, поправляя галстук. – Слышал, ты замуж собралась?

Надежда смущенно опустила вниз глаза.

– Собираюсь… – она сделала небольшую паузу, и, заметив в глазах Федорова интерес, продолжила. – А живу, в общем, неплохо. Работы в агентстве не очень много. Три раза снималась для журналов. Один раз для рекламы, сама уж не помню чего. Пять раз в показах участвовала здесь в Вене.

Так что работа в основном сидячая, – она грустно улыбнулась и положила ладонь на свой выпирающий из-под майки живот. – Поэтому фигура быстро портится. Не успеешь глазом моргнуть, а уже лишних килограммов столько! – она с безнадежностью махнула рукой.

– Понятно, – Дмитрий Николаевич качнул головой. – А то я уже подумал, что ты в положении.

– Ну что ты! До этого еще далеко. – залилась краской смущения Надежда. – С диеты слезла. Да и родители жениха просто закормили. Как к ним не приедешь на ферму, обязательно гуся зажарят, да еще пожирнее стараются выбрать. Я вначале отказывалась. Так они обижаться стали. Эгон говорил, что, когда они меня первый раз увидели, даже испугались. Думали больная. Такая худющая была.

– Ясно. А платят в агентстве прилично?

Надежда поморщилась.

– Когда как… – ответила она, теребя руками край одеяла. – Денег на жизнь пока хватает. Твои переводы регулярно получаю.

Снова кивнув головой, Дмитрий Николаевич посмотрел в окно и, стараясь придать своему голосу безразличный тон, спросил.

– С личной жизнью, как я понимаю все в порядке?

После некоторой паузы Надежда, медленно подбирая слова, ответила.

– Да вроде бы да. В декабре свадьба будет.

– И кто он? – с напускным равнодушием поинтересовался Федоров.

– Эгон Барр. Ты его не знаешь. У его отца под Веной небольшая мебельная фабрика. Парень вроде ничего. Мой ровесник. Любит меня.

Дмитрий Николаевич быстро взглянул на девушку.

– А ты его?

Выдержав его взгляд, Надежда пожала плечами и с вызовом ответила.

– Раз согласилась… значит люблю!

– Не очень ты похожа на счастливую невесту. – с грустью в голосе, заметил Дмитрий Николаевич.

Нахмурив брови, Надежда встала и, громко стуча каблуками туфель, подошла к окну. Несколько минут она смотрела на улицу. Затем повернулась к дивану и, уже спокойным тоном произнесла.

– А ты знаешь… Мне, недели две назад Гонгадзе звонил. Поздравлял с днем рождения. Приглашал приехать в Москву. Хочет со мной зачем-то встретиться.

– Ну, надо же! Совсем забыл! – Федоров с досадой ударил себя ладонью по лбу и, положив на колени, дипломат, раскрыл его. Он достал оттуда небольшой, перевязанный красной ленточкой сверток, встал и, подойдя к девушке, вручил его ей.

– Это тебе! Поздравляю тебя Надя! – он улыбнулся, но тут же погасил свою улыбку, и она у него вышла какая-то

жалкая и не искренняя. – Желаю тебе счастья! Ты его давно заслужила.

– Спасибо! – Надежда откинула с лица рассыпавшиеся волосы и смущенно посмотрела на Федорова.

Их глаза встретились. Надежда покраснела и вдруг, взяв его за отвороты пиджака, притянула к себе и, зажмурив глаза, быстро поцеловала в губы. Секунду они стояли рядом. Затем Дмитрий Николаевич шагнул назад, повернулся и, подойдя к дивану, сел на прежнее место.

– И что ты решила? – спросил он, стараясь не смотреть на девушку. – Поедешь к Гонгадзе?

Надежда долго молчала, не сводя с него своих зовущих глаз. Потом, словно очнувшись, с грустью произнесла.

– Скорее всего, не поеду. Зачем мне теперь все это, раз свадьба на носу.

Дмитрий Николаевич согласно кивнул головой.

– Раз свадьба скоро, то ехать, конечно, не следует.

Он вдруг стал что-то искать у себя в карманах и, не найдя этого, зачем-то встал и, чуть помедлив смущенно сказал.

– Я, кстати, там его недавно видел. Похоже, он тебя не забыл. Прощение просит. Говорит, его Виктория с толку сбила. Такого про тебя наплела!

Надежда язвительно усмехнулась.

– Что-то добрый он стал слишком! Не похоже на него.

– А куда ему деваться? – продолжил Дмитрий Николаевич. – В посольстве не стали передавать австрийцам матери-

алы на Морозова и Гонгадзе, а ограничились только Олегом и Стасом. Им еще долго в тюрьме придется посидеть. Похоже, наверху решили ими пожертвовать, чтобы этот скандал замять, но Гонгадзе прекрасно понимает, что в любой момент материалы на него могут попасть куда надо. Он сейчас все валит на Морозова, а тот на него. В общем, в Москве теперь такая склока идет! – Федоров поморщился и с брезгливой миной на лице махнул рукой.

Надежда пожала плечами.

– Какая разница, кто отдавал приказ – он или Морозов…

– Я к чему, собственно, это говорю. – помедлив, пояснил Дмитрий Николаевич. – У меня к тебе Надя будет, одно предложение… – он сделал паузу и с грустью посмотрел на девушку. – На первый взгляд очень странное. Но я надеюсь, ты правильно меня поймешь. Мне очень не хочется тебе его делать. Но, к сожалению, другого выхода у меня нет. Поверь мне! – он замолчал. Затем с трудом выговаривая каждое слово, спросил. – Ты не хочешь вернуться к своей прежней жизни? Лучшие мировые курорты. Тусовки со столичным бомондом. Элитные магазины. Драгоценности.

Увидев написанное на лице девушки изумление, он добавил.

– При встрече со мной, Гонгадзе просил тебе передать, что, если ты его простишь, он готов ваши отношения начать сначала. Квартира в Крылатском и новый "Ауди" ждут тебя.

В комнате повисла тишина. Несколько секунд Надежда, не

отрывая глаз, смотрела на Федорова. Затем, вскинув голову, резко повернулась на каблуках, подошла к нему и, глядя в упор, дрожащим от волнения голосом спросила.

– Т-ты это серьезно!?

– Вполне. – ответил тот, стараясь не встречаться с ней взглядом. – Гонгадзе очень влиятельный человек. Если он захочет тебе помочь, твоя карьера обеспечена. Ты будешь сниматься не в этом третьесортном агентстве, а для лучших мировых журналов. А это миллионные гонорары. В твоем возрасте от такого предложения не стоит отказываться. Для тебя это последний шанс.

Надежда презрительно скривила губы.

– Никогда бы не подумала, что он захочет возобновить наши отношения? Прощение попросить или денег дать, чтобы шум не подымала. Это я понимаю.

Она удивленно посмотрела на Дмитрия Николаевича.

– И как он их видит, после всего случившегося? Он думает, я забуду, что он меня в тюрьму хотел упечь! – она усмехнулась. – Странный, однако, он человек!?

Дмитрий Николаевич с нежностью взял ее за руку.

– Надя! – он задумался на несколько секунд. – К сожалению, мы живем в жестоком и бездушном мире, где ради главной цели приходится жертвовать очень многим. И многое, очень многое прощать. – он помолчал, повернул голову к окну и, кусая губы продолжил. – Если ты хочешь сделать карьеру и чего-то добиться в жизни, тебе придется вернуть-

ся к нему и забыть все прошлые обиды.

– Но можно ли ему верить, после всего, что случилось? – Надежда растерянно посмотрела на Федорова. – И где гарантия, что ему в голову опять не взбредет какая-нибудь авантюра. Он неуправляемый человек! Никогда не знаешь, что он в следующую минуту сделает. Я его хорошо за эти два года, что мы были вместе, изучила. Поэтому и хотела уйти. С ним жить, все равно, что на пороховой бочке сидеть. В любой момент на небеса можно взлететь.

Дмитрий Николаевич погладил маленькую изящную ладонь Надежды с накрашенными бордовым лаком ногтями.

– Можно или нельзя ему верить, это тебе придется решать самой. Ты его знаешь лучше меня.

Он пристально посмотрел девушке в глаза.

– Я не хочу тебе советовать. Но… – он запнулся. – но может быть тебе стоит попробовать еще один раз. Все-таки он просит прощение и наверно сделал выводы на будущее. Ничего не поделаешь. Придется тебе переступить через себя. Блистать в столичном свете лучше, чем прозябать здесь, в этой дыре.

Надежда криво усмехнулась.

– Конечно, блистать лучше. Но я не хочу больше быть его куклой. Я тебе про это уже говорила там, в горах, год назад. Мне нужна нормальная семья. Любящий муж. Дети наконец. – голос ее дрогнул. – У меня же свадьба через два месяца!

Дмитрий Николаевич вздохнул, обнял ее за талию и посадил к себе на колени.

– А может быть тебе поступить так, как делают все твои сверстницы? – спросил он, гладя рукой ее густые вьющиеся волосы.

– Как? – с недоумение спросила Надежда.

– Вначале обзаведешься деньгами, как любовница Гонгадзе, а потом устроишь свою личную жизнь. С деньгами, особенно с большими, это сделать не трудно. Подумай…

– Что!? – девушка вздрогнула и, сбросив с себя ладонь Федорова, резко встала.

Несколько секунд она неподвижно стояла на месте, затем тихо, но решительно произнесла.

– Нет! К Вахтангу я больше не пойду!

Дмитрий Николаевич внимательно посмотрел на нее.

– То есть ты, отказываешься?

– Я же сказала, что с Гонгадзе у меня все кончено. – не скрывая своего презрения, бросила Надежда. – Такой любовник мне не нужен. И если ты хочешь сохранить нашу с тобой дружбу, больше мне, пожалуйста, подобные предложения не делай! – ее голос дрожал от негодования.

Дмитрий Николаевич быстро встал.

– Извини меня. – он с нежностью заглянул в расстроенное лицо Надежды. – Я не хотел тебя чем-то обидеть.

Искоса взглянув на Федорова, она отвернулась к окну. Дмитрий Николаевич несколько раз в задумчивости про-

шелся по комнате и опять остановился около Надежды. Засунув руки в карманы брюк, он, кусая губы, спросил.

– Хорошо. А, если я поставлю вопрос по-другому. Ты хочешь отомстить Гонгадзе?

– В смысле? – с удивлением переспросила его та.

– В прямом смысле. Ты же женщина. Тебя предали. Хотели унизить.

Надежда усмехнулась и покачала головой.

– Даже если захочу, я этого никогда не смогу сделать.

Федоров со значением посмотрел на нее.

– А если я тебе дам такую возможность?

Презрительно скривив свой тонкий, остро очерченный помадой рот, она безнадежно махнула рукой.

– Дима. Не смеши меня. Кто я и кто Гонгадзе!

– Хорошо. Давай начистоту. – Дмитрий Николаевич снова, не спеша, прошелся по гостиной. – Конечно, одна ты ничего сделать не сможешь. Ты права. Но есть люди… – он остановился и пристально посмотрел Надежде в лицо. – Очень влиятельные люди, которым это вполне под силу.

Он быстро подошел к девушке и заглянул прямо в ее широко открытые голубые глаза.

– Ты же видела, что когда они вмешались здесь, то Гонгадзе проиграл. Кстати, именно они спасли нас с тобой от тюрьмы. Год назад они пришли нам на помощь и сейчас хотят, чтобы мы в свою очередь помогли им.

Надежда, не меняя выражения лица, резко спросила.

– Как?!

Дмитрий Николаевич тихо, но с нажимом в голосе произнес.

– Ты должна вернуться к Гонгадзе. Вернуться, чтобы отомстить. Ты меня понимаешь? Только для этого.

В гостиной стало тихо. Надежда, опустив голову, долго стояла посредине комнаты, а затем вдруг чужим и незнакомым голосом произнесла.

– Я не хочу, не любить, не мстить Гонгадзе. – она подняла на Федорова застывшие, словно неживые глаза. – Скажи. Ты приехал сюда только для того, чтобы мне это предложить?

Не дождавшись ответа, она подошла к двери, ведущей в коридор, и открыла ее настежь.

– Если это все, что ты хотел мне сказать… – ее голос гневно задрожал. – Тогда… тогда нам с тобой надо расстаться. Прямо сейчас и навсегда!

При этих словах, лицо Дмитрия Николаевича покрылось мертвенной бледностью. Некоторое время он стоял неподвижно, затем медленно повернулся, взял с дивана дипломат и, тщательно застегнув пиджак на все пуговицы, пошел к двери. Надежда стояла, не шелохнувшись, и держалась обеими руками за стену. Их взгляды встретились. Несколько томительных секунд они, молча, смотрели друг другу в глаза. Затем Дмитрий Николаевич, опустил голову и, отведя взгляд в сторону, шагнул в коридор.

– Нет!..

Он вздрогнул и остановился.

– Нет! – крикнула еще раз Надежда и вдруг прислонилась к стене, закрыла лицо ладонями и затряслась в рыданиях.

– Дима! Как ты можешь мне такое предлагать! – сквозь слезы простонала она. – После всего, что между нами было. Как ты можешь… Ведь я же тебя люблю!

Дмитрий Николаевич на мгновение замер. Затем вдруг обнял девушку за плечи, отвел ее ладони в стороны и стал целовать в заплаканное, покрасневшее лицо.

– Надя! Милая. Прости меня. Прости, если сможешь… – глядя ей в глаза, срывающимся голосом воскликнул он. – Меня заставили это сделать. Я не хотел, чтобы ты участвовала в этой собачей грызне. Поэтому и оставил здесь, подальше от Москвы. И контакты с тобой все порвал. Думал, о тебе со временем забудут. К сожалению, я ошибся. Как только Гонгадзе месяц назад вспомнил о тебе, мне приказали активизировать твою разработку. Я тянул, сколько мог, но потом мне не оставили выбора. Поверь мне.

Он положил ее голову к себе на грудь и стал с нежностью гладить трясущимися руками ее волнистые, густые волосы.

– Меня заставили это сделать. – повторил он. – Ты не можешь представить, как мне тяжело предлагать тебе эту грязь. У меня просто сердце разрывается. Но я ничего не могу сделать. Поверь мне. Ничего. Мы всего лишь пешки в их грязных играх. И нам с тобой придется сыграть в них. Пока… А дальше видно будет. Ты меня понимаешь?

Дмитрий Николаевич повернул лицо девушки к себе и посмотрел в ее заплаканные глаза.

– Наденька! Милая моя! Я очень прошу тебя, сделай это ради меня. Я очень прошу! – с болью в голосе, попросил он.

Надежда, судорожно вздохнула, вытерла ладонью слезы, текущие по щекам и долго, не отрываясь, смотрела на него.

– Тебе это очень надо? – наконец прошептала она.

Он тяжело вздохнул и кивнул головой

– Да…

– Если я соглашусь, мы будем с тобой встречаться. Хотя бы изредка. – после небольшой паузы, всхлипывая спросила она.

Он помедлил, потом грустно сказал.

– Если тебе будет от этого хоть немного легче.

– Будет!

– Хорошо, мы будем встречаться, но как часто, это уже зависит не от нас.

– Я понимаю.

– Так ты согласна?

Надежда, молча, опустила глаза к полу.

Дмитрий Николаевич взял ее за подбородок.

– Надежда. Так ты согласна или нет? – настойчиво повторил он.

Вдруг Надежда почувствовала, как его рука мягко легла на ее грудь. Она посмотрела на Федорова. Глаза их встретились и застыли, впившись, друг в друга. Дмитрий Никола-

евич осторожно коснулся рукой ее большого, налитого бюста. От его прикосновения она напряглась. Он быстро сжал ее грудь и, нагнувшись, с силой поцеловал в припухлые, по-детски раскрытые губы. Она задохнулась. По ее телу прошла сильная дрожь. Левой рукой он расстегнул молнию на ее джинсах. Надежда почувствовала, как его теплая ладонь опустилась на ее живот, затем ниже… еще ниже… мягко надавила. У нее вдруг закружилась голова, и как-то сразу онемели и подогнулись ноги. По всему телу стала разливаться истома и неземное, нечеловеческое блаженство от которого захотелось громко закричать во все горло. Когда девушка застонала и закатила глаза, Дмитрий Николаевич поднял ее на руки и понес в спальню.

Надежда глубоко вздохнула и опустила голову на подушку. Она посмотрела на спящего рядом Дмитрия Николаевича и, закрыв глаза, попыталась вспомнить все, что произошло с ней в этот полный тревог, радостей и каких-то безумных событий день.

Они успокоились только к вечеру… Нежно поцеловав ее последний раз в губы, он смущенно улыбнулся и еле слышно прошептал: "Извини! Я больше не могу". Затем повернулся на спину и почти мгновенно уснул. В этот день их не могло остановить ни что: не долгие, настойчивые звонки в дверь, не постоянная, сводящая с ума трель телефона. Их тела, как и их, души были неразлучны. Это было как безумие. Надежда почти не помнила, что происходило. В ее голове все пе-

ремешалось, и она с трудом понимала, где она находится и что делает. В ней проснулась какая-то другая, незнакомая ей раньше женщина. Ей казалось, что она попала на громадный океанский корабль во время шторма. Она, то проваливалась вниз, в наполненную нечеловеческим наслаждением и счастьем бездну. То, с трудом очнувшись, возвращалась в этот мир и снова видела перед собой лицо мужчины, о котором она так долго мечтала в своих снах. Слушала, почти не понимая, что он говорит. И, влюблено глядя на него, перебирала пальцами его густые волосы. Она вдруг попала в сказочный, волшебный мир. Где не было тревог и сомнений, и все решалось очень просто – достаточно было посмотреть в его глаза. Она соглашалась с ним во всем! Она готова была выполнить любое его желание! Обнимая руками его сильное, мускулистое тело, так не похожее на рыхлое тело Эгона, она вдруг со страхом поняла, что он полностью подчинил ее своей воле. Но этого, как, ни странно, теперь, хотелось ей самой…

Дмитрий Николаевич заснул, а она лежала рядом с ним и, не отрываясь, смотрела ему в лицо. "Что я в нем нашла?" – вдруг подумала Надежда. Лицо симпатичное, можно сказать даже, красивое и фигура, для его возраста, просто идеальная. Но таких у нее было много. И все как-то прошли мимо, не оставив в памяти даже воспоминаний. А этот, как заколдовал! У нее, от его взгляда даже коленки трясутся. И ничего не поделаешь. Прямо наваждение какое-то. Возьмет за руку и, кажется, пошла бы с ним куда угодно, хоть на край

света. Никогда бы раньше не подумала, что появится мужчина, которому она так поверит. После того памятного вечера в ресторане, когда он ее от бандитов Махмуда отбил, у ней как все оборвалось внутри. Не зря, наверное, раньше рыцарские турниры устраивали. Кто победил тот и женится. Похоже, женский инстинкт срабатывает. После событий в ресторане она резко изменила к нему свое отношение. Все чаще стала думать о нем, боятся за его жизнь, ревновать к другим женщинам. Постепенно ее увлечение им стало перерастать в нечто большее, в чем она боялась признаться даже самой себе. Если кто-нибудь другой ей предложил к Гонгадзе вернуться, так далеко послала бы этого наглеца, что вовек не добрался. А этот только пальцем поманил. На все согласна, лишь бы с ним быть рядом. Пускай свадьба, и жених к черту катятся!

Надежда осторожно, чтобы не разбудить Дмитрия Николаевича, погладила рукой его сухощавое, мускулистое тело. Такие ей всегда нравились! Когда каждая мускул виден. И чтобы плечи были широкие. "На пляже он любому молодому сто очков форы даст." – подумала она. – "И как он в таком возрасте умудряется форму поддерживать? Может от природы такой. И дерется, как черт! Хоть в кино его показывай!"

Да… Права была Людка в первый день их встречи, там в аэропорте. Тысячу раз права. Красивый мужик! А еще умный, нежный, ласковый. И в кровати с ним все на свете забываешь! Она сегодня несколько раз чуть сознание не теря-

ла. От его сильных, нежных прикосновений не то, что стонать, выть хочется от удовольствия. До их первой близости в альпийском лесу она никогда не думала, что мужики на такое способны. Он первый дал ей возможность почувствовать, что такое настоящее наслаждение. Она не новичок в этих делах, но он такое делает!.. И не грубо, как другие. На его руки просто молиться хочется! После их каждой близости она, как из рая возвращается на землю.

Надежда глубоко вздохнул, закрыла глаза и, положив, голову на грудь Федорова, долго гладила ладонью его рельефные, упругие мышцы. Затем откинулась на подушку и с грустью подумала: – "За такого замуж пошла бы, не думая. Тапочки в зубах носила, только бы позвал…" Ей казалось, что она проваливается в какой-то черный бездонный омут, но страха не было. Страх исчезал, когда она глядела на лицо лежащего рядом с ней мужчины.

Проснувшись поздно вечером, они подробно обсудили, что ей предстоит делать дальше.

– Без меня ничего не предпринимай! – строго предупредил Дмитрий Николаевич, посмотрев в счастливые, шальные глаза Надежды. – Малейшая ошибка в этой игре для тебя будет последней. А что произойдет в случае провала, тебе показали в Линце Стас и Олег.

Потом, помолчав, он добавил.

– Дело оказалось куда серьезнее, чем мы думали вначале. Мотив личной мести, это только прикрытие. Скорее все-

го, Гонгадзе планировал использовать тебя, как доверенное лицо для хранения, вывезенного из России капитала. Для этого ему и нужен был на тебя железный компромат, чтобы обеспечить его безопасность при любом, самом неблагоприятном варианте развития событий. Похоже, Гонгадзе ты нравилась, как женщина, но, когда дело касается таких денег, помимо личной симпатии необходима еще и твоя полная зависимость от него. Сейчас он вдруг вспомнил о тебе. Дела его в России обстоят не лучшим образом. И возможно, он снова захочет задействовать тебя в какой-то своей комбинации. Поверь мне. Это очень опасная игра.

Он поднял с пола дипломат, раскрыл его и достал оттуда несколько тонких разноцветных папок.

– Я постараюсь свести риск для тебя к минимуму. Конечно, полностью в твоей работе исключить его нельзя, но многое будет зависеть от тебя самой. Надеюсь, ты это понимаешь.

Надежда, молча, кивнула головой.

– Сейчас ты в нашем деле полный дилетант. Поэтому, прежде чем поехать в Москву к Гонгадзе, ты в Ницце две недели будешь изучать то, что тебе понадобится для выполнения задания. С тобой буду заниматься я и еще один человек. Его лицо обязательно запомни.

Дмитрий Николаевич достал из папки несколько фотографий и передал их девушке.

– Он будет твоим связным, на случай отъезда в Европу.

Его зовут Франсуа Леру. Вернее, под этим именем он сейчас проживает во Франции. Он бывший наш соотечественник. Эмигрировал в свое время из СССР в Израиль. Потом поселился в Западной Европе. Он не связан с моими нынешними хозяевами. Я с ним знаком еще по своей работе в КГБ.

Надежда села на кровать и откинув одеяло, стала внимательно разглядывать фотографии. Дмитрий Николаевич с нежностью обнял ее за располневшую талию.

– Не обижайся, – сказал он, пряча фотографии Леру обратно в дипломат. – но я думаю, тебе стоит посетить в Ницце тренажерный зал и пообщаться с хорошими инструкторами. За две недели они приведут тебя в порядок. В таком виде, как сейчас, тебя показывать Гонгадзе нельзя, а красота, это твое самое сильное оружие!

Надежда смущенно улыбнулась.

– Хорошо. Как скажешь.

Федоров продолжил.

– К сожалению, раньше ты не имела доступа к секретам Гонгадзе и, если даже он сделает тебя своим доверенным лицом, ты вряд ли узнаешь что-либо существенное о его делах. Скорее всего, тебя будут использовать в темную. Но некоторые документы, – Дмитрий Николаевич выразительно посмотрел на Надежду. – и прежде всего финансовые, обязательно пойдут за твоей подписью. Ты должна их фотографировать, а если такой возможности не будет, запоминать основное содержание. Мы тебя научим на занятиях, как это де-

лать, а Франсуа подскажет, на что надо обращать внимание в первую очередь.

Дмитрий Николаевич раскрыл одну из папок.

– Изучи внимательно эти материалы. Тебе необходимо быть в курсе всех дел Гонгадзе и, прежде всего финансовых. Он чувствует непрочность своего положения в России. По моим данным, ежегодно выводит за границу через оффшоры несколько сот миллионов долларов. Ты должна выяснить каналы вывода и счета, на которые они переводятся. Это твоя главная задача. Понятно?

– Понятно. – ответила Надежда.

– Узнай это, и мы постараемся использовать эту информацию в наших с тобой интересах. – Дмитрий Николаевич сделал паузу, затем обнял девушку и привлек ее к себе. – И помни. Ты будешь рисковать жизнью только ради нас двоих. Тебя, и меня! – сказал он.

Надежда кивнула головой.

– Я это поняла. А как мы будем встречаться?

– Связь ты будешь поддерживать только со мной. Я, для отвода глаз, открыл в Москве детективное агентство и официально никакого отношения к другим организациям не имею. А где конкретно и как, мы будем встречаться, ты узнаешь в Москве. Там для этого все подготовлено. И запомни самое главное! – Дмитрий Николаевич посмотрел Надежде в глаза. – В случае провала тебя ждет только одно. Это смерть! Причем долгая и мучительная. Гонгадзе очень жестокий че-

ловек. И своих врагов он не прощает. Поэтому осторожность и еще раз осторожность. Если с тобой что-нибудь случится, я себе этого никогда в жизни не прощу. А сейчас, если хочешь, – улыбнулся он. – я устрою тебе волшебную ночь.

Надежда почувствовала, как его рука мягко легла на ее живот. Она вздохнула, закрыла глаза и, блаженно улыбаясь, опустила голову на подушки.

Они встали рано утром. Дмитрий Николаевич быстро оделся и уехал в аэропорт. За завтраком было решено, что через три дня Надежда, возьмет двухнедельный отпуск в агентстве и встретится с ним в Ницце.

Натужено, ревя моторами, "Боинг" медленно набирал высоту над зеленовато-голубыми просторами Средиземного моря. В иллюминаторах за пеленой облаков проплывали вытянутые в изогнутую линию набережные Ниццы. Слева в лучах утреннего солнца переливался белыми и зелеными красками, далеко уходящий в море Сен-Жан-кап-Феррат. А прямо под крылом тень самолета то и дело пересекала идущие в обрамлении пенных вихрей круизные теплоходы и прогулочные яхты.

Пассажиры "Боинга", молча, дремали в креслах, а приветливые, со стандартными улыбками на лицах, стюардессы, проходя по салону самолета, разносили утренний ленч.

Дмитрий Николаевич, сидя в кресле у окна, быстро просматривал в ноутбуке, присланные ему сегодня из агентства

материалы и, бросая нетерпеливые взгляды в конец салона, ждал, когда вернется Надежда. В аэропорте при регистрации на рейс, она встретила знакомую манекенщицу, которая работала стюардессой на международных линиях "Аэрофлота", и вот уже почти полчаса пропадала у нее в техническом отсеке самолета.

Наконец, в дверях салона появилась ее высокая, стройная фигура. При виде идущей по проходу Надежды Дмитрий Николаевич непроизвольно улыбнулся – время, проведенное в Ницце, не было потрачено для нее зря.

Две недели она практически не вылезала из спортивных залов, где под руководством опытных инструкторов бегала, работала на тренажерах и занималась аэробикой и йогой. Лучшие косметологи и парикмахеры по несколько часов в день доводили ее кожу и волосы до совершенства. А ближе к вечеру, они с Федоровым отправлялись на пляж, где до полного изнеможения плавали и загорали на солнце.

Надежда менялась прямо на глазах. За первую неделю она похудела почти на пять килограммов, и уже без труда могла одевать джинсы, в которых ходила еще года три назад. Ее фигура стала быстро приобретать прежнее изящество и стройность, а талию, при желании, можно было обхватить двумя ладонями. Ноги девушки заметно постройнели и когда она одевала туфли на шпильках, мужчины на улице не могли оторвать от них восхищенных, а женщины завистливых глаз. Ее походка стала легкой и упругой. Грудь уменьшилась и при-

обрела самые соблазнительные формы. Глаза ожили и задорно заблестели.

Почти каждую ночь Надежда и Федоров проводили вместе. Они жили в одном отеле, но, чтобы не привлекать к себе излишнего внимания окружающих, среди которых могли оказаться и люди Гонгадзе, снимали разные номера. Дмитрий Николаевич осторожно, через несколько балконов, пробирался в ее спальню и у них начинались "брачные игры". Федоров, как бы невзначай, показывал ей то, что могло пригодиться Надежде в общении с мужчинами, и она узнала много нового в сексе, о чем раньше даже не догадывалась. За короткие ночные часы он доводил ее до полного изнеможения. Только к утру расслабленная, и счастливая Надежда бессильно падала на подушки, и блаженно улыбаясь, засыпала мертвым сном.

Она брала уроки у лучших визажистов в Ницце и научилась мастерски пользоваться любой косметикой. Ее лицо преобразилось. От былой отечности и мешков под глазами не осталось и следа. Глядя на себя в зеркало, Надежда готова была поклясться, что она помолодела сразу на несколько лет.

Специалисты по этикету и психологи потратили неделю, чтобы максимально изменить ее привычки и манеру поведения и теперь она могла чувствовать себя уверенно и не принужденно в любом обществе, начиная от воровской сходки и кончая приемным залом Букингемского дворца.

В одном из танцевальных салонов Ниццы Надежда разу-

чила наиболее популярные в этом сезоне бальные танцы. А после занятий по пластике, которые провел с ней известный в прошлом актер кино, научилась максимально эффектно подчеркивать в движении достоинства своей безупречной, великолепно сложенной фигуры.

Перед вылетом в Москву она посетила несколько ателье и бутиков известных итальянских и французских модельеров, где с помощью дизайнеров, с большим вкусом подобрала себе белье и верхнюю одежду.

За две недели, проведенные в Ницце, Надежда превратилась в элегантную, очаровательно красивую светскую даму с утонченными манерами и вкусом, глядя на которую Дмитрий Николаевич только усмехался и, качая головой, постоянно повторял свою излюбленную фразу. – "Вот что любовь делает с женщиной!"

Помимо физических упражнений и косметических процедур Надежда за время отдыха получила еще ряд навыков, которые тоже могли пригодиться ей в Москве. Лежа на пляже или прогуливаясь под руку по улицам города, Федоров научил ее, как выявлять ведущееся за собой наружное наблюдение и как быстро и незаметно уходить от него. Он познакомил ее с наиболее простыми способами шифрования документов и работой с миниатюрной видеокамерой и, встроенным в обыкновенную авторучку фотоаппаратом, а также рассказал, как передавать подготовленные материалы лично и через тайники. А в течение трех ночей специально приехав-

ший в город Франсуа Леру, пожилой мужчина лет пятидесяти, с ничем не примечательной внешностью и изысканными манерами английского лорда, посвятил ее в тонкости международного бухгалтерского учета, корпоративных финансов и налогообложения России и ведущих западных стран. Кроме этого, он рассказал ей об информационных системах, способах хранения и защиты информации от несанкционированного доступа. А также объяснил основные методы ее взлома и нейтрализации.

Для первой встречи с Гонгадзе, Надежда тщательно продумала свой гардероб. На ней было надето белое до колен платье без рукавов, оставляющее открытыми ее длинные стройные ноги в туфлях на высоком каблуке. Наряд дополнял широкий лакированный пояс, подчеркивающий тонкую изящную талию. В руках она держала маленькую сумочку из крокодиловой кожи. А свои густые, пышные волосы она уложила в самой престижном и дорогом салоне Ниццы.

Проходя между креслами, она просто физически ощущала на себе восхищенные взгляды окружающих мужчин, и грациозно двигаясь по проходу, не скрывала на своем лице довольной улыбки, прекрасно понимая всю значимость произошедших с нею перемен.

Надежда села рядом с Дмитрием Николаевичем у окна и слегка наклонив голову, стала смотреть на проплывающие внизу облака.

– Всем знакомым косточки перемыли? – с улыбкой, спро-

сил тот. Затем он наклонился к ее уху и, согнав с лица улыбку, прошептал. – Ты больше по салону не ходи, а то я боюсь, на тебя все-таки кто-нибудь бросится. У них такие лица… – покачал он головой, пряча в глазах искорки смеха. Надежда в ответ снисходительно улыбнулась и, Дмитрий Николаевич уже серьезно добавил. – Посмотри. Это для тебя будет интересно.

Он положил на ее колени свой ноутбук.

– По моим данным у Гонгадзе появился новый руководитель службы безопасности, некто Лисовский. Здесь собраны все данные на него. У тебя с его предшественником, какие были отношения?

Надежда пожала плечами.

– В общем неплохие. Дружить не дружили, но и конфликтов особых не было.

Федоров задумчиво посмотрел в окно.

– Похоже, Гонгадзе решил поменять свою команду. Морозов ему теперь не помощник. Они после провала в Австрии на ножах. – он бросил быстрый взгляд на девушку. – Лисовский станет для тебя очень опасным противником! У него большой опыт работы и отличные аналитические способности. Во втором управлении КГБ его высоко ценили. Единственное его слабое место, – продолжил Федоров. – заключается в том, что он очень самолюбив и вспыльчив. Его коллеги отмечали это не раз. А такие люди, когда начинают нервничать, часто теряют способность логически мыслить. Начи-

нают все делать на эмоциях, сгоряча. И вот еще что, – Федоров положил свою ладонь на руку Надежды. – Я хочу тебе кое-что рассказать об этом Лисовском. Когда он еще работал в КГБ, было зафиксировано несколько случаев утечки секретной информации за границу. Подозрение пало на него, но тогда доказать ничего не смогли. Если это, правда и он действительно связан с западными спецслужбами, то именно этим он и мог заинтересовать Гонгадзе. Для него это лучший вариант. Лисовский его, в случае чего, там прикроет, если вдруг выяснятся все обстоятельства прошлогодней истории в Австрии. Возможно, Гонгадзе через Лисовского решил наладить контакты с его руководителями, для собственной безопасности, так сказать. Я все это рассказал тебе для того, чтобы ты имела представление о том, с кем тебе придется иметь дело в Москве.

Год спустя. Москва…

Новый начальник службы безопасности финансово-промышленной группы "Монолит" Альберт Эдуардович Лисовский, держа в руке зажженную сигарету, стоял перед раскрытым настежь окном своего кабинета, расположенного на восьмом этаже одного из гигантских небоскребов «Москва-Сити». Это был невысокого роста, узкоплечий, худой мужчина лет пятидесяти пяти с продолговатым, как бы вытянутым вниз, всегда выражающим одну и туже презрительно-надменную мину лицом. Его круглые маленькие глаза внимательно смотрели сквозь толстые дымчатые стекла очков. Сильно поседевшие курчавые волосы немного прикрывали большой выпуклый череп. А высокий лоб с большими залысинами и два значка о высшем образовании на кармане строгого темно-серого пиджака говорили о его недюжинных умственных способностях.

Неожиданный утренний разговор с владельцем корпорации Вахтангом Тенгизовичем Гонгадзе не на шутку встревожил и озадачил его. Вернувшись к себе в кабинет, Лисовский запер в сейф папку со служебными документами, которую он носил с собой на эту встречу, и с наслаждением закурив первую за этот день сигарету, стал обдумывать сложившуюся ситуацию. Судя по тем выводам, которые он сделал из произошедшего разговора, Гонгадзе решил ввести в длившую-

ся вот уже полгода, сложную, многоходовую комбинацию по выводу своих финансовых активов за рубеж, нового человека. И было не ясно, зачем он это делает? То ли перестал доверять старым ее участникам, то ли придумал какой-то новый более сложный вариант переправки своего состояния за границу.

Неделю назад Гонгадзе неожиданно вызвал его к себе и попросил в самый короткий срок собрать информацию о своей бывшей знакомой и как понял Лисовский любовнице, Надежде Смирновой. Лисовский слышал эту фамилию от своего предшественника, когда принимал у него дела. И понял, что тот считал ее основной виновницей своего скандального увольнения из корпорации. Неуклюжая попытка скомпрометировать ее в прошлом году, в Австрии обернулась для Гонгадзе настоящей катастрофой. Его конкуренты, использовав просчеты этой не до конца продуманной операции, смогли доказать его участие в убийстве сразу двух человек. По законам Австрии такое преступление каралось высшей мерой наказания и давало возможность объявить его в международный розыск через Интерпол. То, что дело пока официально замяли, ничего не значило. По таким преступлениям срока давности не было, и в любой момент Гонгадзе мог очутиться на скамье подсудимых с самыми неблагоприятными для него перспективами на исход дела.

Конкуренты, получив в руки такой весомый козырь, резко усилили давление на него. Предпринять эффективные от-

ветные меры, в этой ситуации он не решался, прекрасно понимая, что от угроз использовать полученный компромат, они в любой момент могут прейти к решительным действиям. Конечно, в России с его возможностями он мог не допустить в отношении себя судебного преследования. Но, во-первых, его влияние за последнее время значительно ослабло, и самым неприятным для него обстоятельством было то, что этим делом заинтересовались наверху.

До Лисовского уже стали доходить слухи, о возможном переделе гигантской империи Гонгадзе между новыми собственниками. Понимая, что над его шефом сгущаются тучи, он решил использовать создавшуюся ситуацию в своих личных интересах и попытаться получить доступ к его собственности сам. В окружение Гонгадзе стали активно внедряться преданные ему люди. Один из ведущих финансовых аналитиков корпорации уже работал на него. Это позволяло тайно контролировать важнейшие финансовые потоки в компании и в нужный момент попытаться наложить на них свою руку. Появление в этой игре нового участника, особенно если он становился ключевой фигурой, ставило все его планы под угрозу.

Докурив сигарету, Лисовский подошел к письменному столу и нажал кнопку селектора.

– Вызовите ко мне моего первого заместителя и начальника службы наружного наблюдения. – приказал он секретарше.

Походив еще немного по кабинету, он сел за стол и сняв очки, устало откинулся на спинку кресла. Через несколько минут в дверь осторожно постучали.

– Да…да. Войдите! – разрешил Лисовский, усаживаясь в кресле поудобнее.

В кабинет вошли двое. Одетый в элегантный костюм и дорогой галстук, мужчина среднего возраста, по фигуре и походке бывший спортсмен. Он немного сутулился и держал в длинных мускулистых руках большую черную папку с документами. И небольшого роста, щуплый парень лет тридцати в свитере и очках, с неброской, ничем не примечательной внешностью типичного российского студента.

Лисовский рукой указал им на стулья.

– Присаживайтесь!

Когда вошедшие сели, он надел очки и обратился к мужчине.

– Владимир Николаевич, вы должны были подготовить материалы по этой Смирновой? Вы готовы докладывать?

Мужчина поспешно вынул из принесенной с собой папки несколько страниц с текстом и положил их перед Лисовским.

– Альберт Эдуардович! – начал он свой доклад. – Мы практически все закончили. Но, к сожалению, ничего интересного нам пока найти не удалось. – он сделал паузу и выжидающе посмотрел на Лисовского.

– Плохо! – Лисовский нахмурился. – Вы как мой заместитель должны были более ответственно отнестись к этому за-

данию. Вахтанг Тенгизович придает ему особое значение. – он еле заметно кивнул головой, давая понять, чтобы заместитель продолжал.

Тот опять заговорил.

– Прошлое у нее конечно запутанное. Ее родители умерли, когда она еще была ребенком. Воспитывалась одна у бабки во Владивостоке. После окончания школы переехала в Москву и поступила в педагогический институт. Мы попробовали связаться с ее знакомыми и бывшими коллегами по…

– Я знаю ее историю. – остановил знаком руки его Лисовский и, повернулся к другому вошедшему. – Что показало наблюдение в Вене и Ницце?

– Тоже ничего. – пожимая плечами, ответил тот. – Основной круг общения у нее был только по линии модельного агентства и посольства. За эти десять месяцев больше с ней в контакт из людей, которые нас могут заинтересовать, никто не входил. После приезда в Вену Федорова она общалась только с ним.

Лисовский в задумчивости положил руки перед собой и несколько раз стукнул кончиками пальцев по поверхности стола.

– А как личная жизнь? – спросил он.

Его собеседники переглянулись, и заместитель, с усмешкой ответил.

– Говорят, замуж собралась. Жених – сын владельца

небольшой мебельной фабрики под Веной.

Лисовский презрительно скривил губы.

– Низко, однако, она пала для "Мисс Москвы"!

Он откинулся на спинку кресла и после небольшой паузы требовательно произнес.

– Сегодня у меня был разговор с Гонгадзе. Он приказал ускорить ее проверку. Вахтанг Тенгизович хочет быть абсолютно уверен в ней. Поэтому прошу еще раз изучить все собранные на нее материалы и результаты доложить мне.

Он кивнул, давая понять, что разговор окончен.

– Владимир Николаевич задержись на минуту! – окликнул он уже выходящего в дверь заместителя. Дождавшись, пока они остались в кабинете одни, Лисовский взял со стола пачку "Кэмел", закурил сигарету и, пристально поглядев на него, спросил:

– Ты нигде не допустил утечку?

Тот удивленно поднял густые, сросшиеся на переносице брови.

– Да вроде нет. О наших делах знает только несколько самых доверенных сотрудников службы.

Лисовский недоверчиво хмыкнул и, чуть помедлив, нехотя произнес.

– Сегодня в разговоре со мной, Гонгадзе намекнул, что он в курсе наших планов. И я не могу понять – или он сам догадывается или его кто-то информирует?

Заместитель насторожился и всем корпусом подался впе-

ред.

– А что он сказал?

– Он потребовал, чтобы мы прекратили слежку за его финансовыми советниками. Особенно теми, кто работает с "Креди Лионне". А по поводу микрофона в кабинете финансового директора устроил мне настоящий скандал! Даже пригрозил увольнением.

Заместитель, выпятив нижнюю губу, выпрямился в кресле.

– Даже так… Микрофон они сами обнаружить вряд ли смогли.

– Я это и имею в виду. – Лисовский нервным движением поправил на переносице очки. – Может, кто из своих проболтался?

– Хорошо. Я еще раз все проверю. – заместитель стал быстро записывать что-то в лежащий перед ним блокнот.

Лисовский пододвинул к себе хрустальную пепельницу, стряхнул туда пепел с сигареты и, глядя на вьющийся к потолку сизо-голубой дымок, сказал.

– А может нам изменить тактику. Не лезть, так сказать в лоб.

– Что вы имеете в виду? – заместитель оторвался от блокнота и с интересом посмотрел на него. – Мы же пытались завербовать несколько человек из окружения Гонгадзе. Пока, к сожалению, только один согласился на нас работать.

– А зачем, собственно, вербовать? – Лисовский откинул-

ся на спинку кресла и сложил руки на груди. – Давайте воспользуемся богатым опытом наших бывших коллег из первого управления.

Заместитель понимающе кивнул головой.

– То есть вы предлагаете с самого начала ввести туда своего человека…

– Конечно! – убежденно воскликнул Лисовский. – Это будет намного проще и даст лучшие результаты. Когда работаешь с завербованным, особенно если приходится ломать его через колено, никогда не знаешь, будет ли он говорить правду и не продаст в ли самый неподходящий момент.

Заместитель усмехнулся.

– Конечно, иметь своего человека намного интереснее. Но насколько я знаю, Гонгадзе пока никого увольнять из своих советников не собирается. Он доволен их работой.

Лисовский с лукавой усмешкой прищурил глаза.

– Ну, это во многом зависит от нас с вами. – он снова стряхнул сигарету в пепельницу и слегка повысив голос, перешел на официальный тон. – Владимир Николаевич, попробуйте просчитать несколько вариантов такой комбинации. Подыщите подходящую кандидатуру. Помоложе. Можно выпускника финансовой академии или даже Гарварда. Обратитесь в ФСБ. Пускай по картотеке поищут. Но чтобы у него было за что зацепиться. Там, наркотики… или еще что-нибудь в этом роде. Не мне вас учить. Когда найдете нужного нам человека, подумаем, как его сюда ввести. Или шта-

ты расширим или поменяем на кого-нибудь. Слава богу, на финансистов у нас материалов много накопилось. И главный кадровик у нас на крючке. Наболтала дамочка на новогодней вечеринке лишнего. Теперь пускай расплачивается, так сказать за содеянное. Да, и чтобы родители попроще были, а то потом возни с ними не оберешься.

– Слушаюсь!

– Ладно. С этим вроде разобрались. Теперь давайте о Смирновой поговорим.

Лисовский задумчиво потер ладонью гладко выбритый подбородок.

– Тут тоже не все ясно! Похоже она Гонгадзе для чего-то серьезного нужна. Не зря же он вдруг про нее через столько времени вспомнил. Ты выяснил про эту прошлогоднюю историю в Австрии. Что там произошло?

Заместитель пролистал несколько страниц, лежащих в папке, и стал докладывать.

– Гонгадзе заплатил Морозову, чтобы тот основательно скомпрометировал эту Смирнову. Она вроде как бросить его хотела. Морозов в это дело втянул Махмуда Чегоева. Что-то там не просчитал. О его комбинации узнали металлурги. Ну и подставили самого Гонгадзе. Говорят, хороший компромат на него получили!

Выпустив перед собой густую струйку дыма, Лисовский спросил.

– Я слышал, там этот Федоров отличился?

Заместитель усмехнулся.

– Как всегда… костей наломал. Его Георгий Васильевич, – он бросил быстрый взгляд на Лисовского. – ты знаешь, о ком я говорю, из рук людей Морозова вырвал. Федоров в живых можно сказать случайно остался. Его как свидетеля в первую очередь должны были ликвидировать.

Лисовский стряхнул с сигареты столбик пепла.

– Что-то хитрит наш шеф! – задумчиво сказал он. – У него что, девок мало? Зачем ему эта Смирнова понадобилась? Он хотел ее в Австрии за горло взять. Это понятно. Но вот для чего?

Заместитель осторожно вставил.

– Может за границу собирается? Чувствует, чем здесь пахнет и начинает дела сворачивать.

– Похоже, что так, – Лисовский снова глубоко затянулся сигаретой и, выпуская изо рта кольца дыма, прищурил глаза. – По этим вопросам он со мной, к сожалению, не советуется. Только с финансовым директором.

Заместитель, понизив голос, спросил.

– Ты думаешь, он на Смирнову решил капитал оформить?

Лисовский пожал плечами и с раздражением бросил.

– Вот это Владимир Николаевич нам и предстоит выяснить. Из разговора с ним я понял, что она заинтересовала его по следующим причинам.

– Первое, – он поднял вверх указательный палец правой руки. – Они знакомы уже больше двух лет и между ними есть

взаимная симпатия. Гонгадзе она нравилась. Да и он Смирновой, похоже, тоже был небезразличен. Она росла одна без родителей, и Гонгадзе ей вроде как отца заменял.

– Второе, – Лисовский быстро распрямил второй палец. – Помимо смазливой мордашки у нее еще и мозги имеются. Кое-какие дела ей можно поручать. Гонгадзе мне рассказывал, что он ее несколько раз проверял и причин ей не доверять, у него пока нет.

– Ну и третье, и самое главное, – Лисовский разогнул третий палец. – Если вдруг придется прибегнуть к крайним мерам… – он выразительно посмотрел на заместителя. – У нее кроме старой бабки во Владивостоке никого больше нет. Так что плакать по Смирновой в случае чего будет некому.

– Получается, – заместитель с усмешкой на губах почесал пальцами мочку уха. – Она ему нужна, только для вывода капитала. А дальше они либо расстанутся, либо… – он медленно поднял глаза к потолку.

Лисовский утвердительно кивнул головой.

– Похоже, что так. О дальнейших планах совместной с ней жизни Гонгадзе мне ничего не рассказывал. И он просил проверить кроме нее еще несколько человек. На одну Смирнову он ставку делать не хочет. Мало ли что может произойти.

Лисовский надолго замолчал и лишь когда заместитель нетерпеливо заерзал в кресле, продолжил.

– И еще неизвестно, какое она на него впечатление сей-

час произведет. Мне рассказывали она там, в Вене сильно подурнела. С ней даже контракт в модельном агентстве хотят расторгнуть. – он затянулся сигаретой в последний раз и, с сожалением затушив ее, бросил в пепельницу. – Но меня в этой ситуации другое беспокоит!

– Что? – поинтересовался заместитель.

– Не что… а кто! – уточнил Лисовский. – Федоров! – он сцепил руки перед собой и выразительно приподнял брови. – Что-то он к ней прилип. Деньги ей каждый месяц высылает. Даже согласился за ней в Вену съездить. Хотя на Гонгадзе он после Австрии такой зуб имеет!.. Но видимо пересилил себя. Встретился с ним. Да, еще и поехать согласился.

Заместитель улыбнулся.

– Морозов рассказывал. У них там со Смирновой вроде как любовь-морковь была.

– Да брось ты! – Лисовский пренебрежительно махнул рукой. – Владимир Николаевич! Оставь ты эту морковь писателям и психиатрам. Мы серьезными делами занимаемся. Федоров бывший кадровый разведчик. И если он что-то делает, то не просто так. Зря он с ней по горам на плечах не стал бы бегать. И зачем он ее уговаривать поехал, если между ними что-то было. Странная любовь у них получается. Извини за грубое выражение, как у сутенера с проституткой. Помимо моркови у него еще к ней интерес есть. Это очевидно!

Лисовский встал с кресла, и на ходу вытирая вспотевший лоб платком, подошел к окну.

– И еще неизвестно чем они там, в Ницце занимаются. У тебя, кстати, есть сообщения оттуда?

Заместитель утвердительно кивнул.

– Есть. В основном вместе на пляже валяются. Она там говорят, по салонам и спортивным клубам бегает. К встрече с Гонгадзе готовится. Хочет, так сказать, сразить его наповал! – он скривил в презрительной ухмылке толстые губы.

– Это понятно. А по ночам?

– По ночам?.. – заместитель замешкался с ответом. – Живет она в номере одна.

– А где номер Федорова? В том же отеле?

– В том же. Но двумя этажами выше.

– Хм!.. – по губам Лисовского скользнула хитроватая усмешка. Он осторожно почесал пальцем правую бровь и, не спеша, прошелся по кабинету. – Занятно!

– Что занятно? – поинтересовался у него заместитель. – У нее в агентстве оформлен отпуск. Вот она там его и проводит. А Федоров находится в Ницце, чтобы ее уломать вернуться к Гонгадзе. Она пока окончательного согласия не дала. Это он мне еще неделю назад по телефону рассказал.

Взглянув на заместителя, Лисовский поморщился.

– Занятно другое, – сказал он, продолжая размеренными шагами мерить кабинет. – На какие бабки она по салонам и залам шляется. Здесь в Москве это в копеечку вылетит, а там цены такие, что ее годовой зарплаты в модельном агентстве на одного массажиста не хватит.

Заместитель растерянно развел руками.

– Может ее Федоров сам спонсирует. Все-таки он Гонгадзе обещал ее привезти в Москву. Если она там действительно сильно подурнела, не будет же он ее в таком виде здесь показывать. Если она Гонгадзе не понравится, он с деньгами точно пролетит. Он же туда насколько я знаю, не за просто так поехал.

Лисовский остановился, недоверчиво хмыкнул и, сняв очки, потер кончиками пальцев покрасневшие от усталости глаза.

– Он что, подпольный миллионер чтобы ее спонсировать. Сомневаюсь… – он надел очки и с уверенностью покачал головой. – Нет… Тут дело нечисто! Надо поточнее выяснить, во сколько обойдется мадам Смирновой этот вояж в Ниццу и тогда уже будем решать. Мог ее Федоров сам спонсировать или у нее деньги из других источников. И если да, то, из каких.

– Альберт Эдуардович! – голос заместителя поскучнел. – Право, я не знаю, стоит ли заниматься всем этим. Ницца не Москва. Там пока все это раскопаешь, не один месяц пройдет. Они там за клиентов зубами держаться и лишнего про них не болтают.

Лисовский удивленно приподнял брови.

– Еще как стоит! Ты пойми… – он подошел к креслу, в котором сидел заместитель и понизил голос. – Все это, очень смахивает на ее подготовку перед "заброской" к нам сюда.

Она для Федорова очень лакомый кусок. Представь, какие перспективы открываются, если ее приручить. Можно без особых проблем получить доступ к деньгам Гонгадзе. А Федоров в этом деле большой мастак. Так сказать, профессионал высшего класса! Ему такую девчонку обработать, как нечего делать. У нее в голове кроме тряпок, секса и танцев ничего больше нет. Ей бы только где ноги пошире раздвинуть. Вот я чего боюсь! Тогда и у Гонгадзе ничего не получится, и вся наша комбинация к черту может полететь.

Заместитель пожал плечами, давая понять, что он не во всем разделяет опасения своего шефа.

– Но он для кого-то будет стараться?

– Какая разница, – Лисовский сел в кресло и раздраженно передвинул на столе папки с документами. – Может и для себя. Ему миллионов двадцать «гринов» на мелкие расходы не помешают. Я думаю, Морозов не зря именно его в Австрию в прошлом году спровадил. Знал, кого посылать. Наверняка попросил его эту Смирнову там обработать, чтобы о делах Гонгадзе побольше знать. Сейчас Федоров, конечно, не будет на Морозова пахать. Не та ситуация. Но, может, у него другие хозяева появились? Тот же Георгий Васильевич. Федоров ему теперь по гроб жизни будет обязан, за то, что тот его с того света вытащил.

Закончив говорить, Лисовский некоторое время, молча, размышлял, а затем, обратившись к заместителю, приказал.

– Владимир Николаевич, подготовьте так же сценарии

развития ситуации с учетом возможной вербовки Смирновой. Надо постараться использовать ее даже в этом случае. Такой вариант мы обязаны предусмотреть. Ставки в игре слишком высоки. И вот еще что… – он поправил на переносице очки и несколько раз в задумчивости стукнул карандашом, по стопке лежащих перед ним документов. – Гонгадзе требует, чтобы мы обеспечили полный контроль над ней. Конечно, лучше бы иметь на нее хороший компромат. Это даст гарантию ее правильного поведения в любой ситуации. Я в разговоре предлагал ему комбинацию типа "морозовской". Например, наркотики подкинуть или еще что-нибудь в этом роде. Но он после провала в Австрии всего боится и не хочет рисковать. Поэтому, пока придется ограничиться, только мероприятиями так сказать психологического характера. Гарантии здесь, конечно, никакой нет, но другого выхода я, к сожалению, не вижу. Кстати, – Лисовский усмехнулся. – к этому можно и самого Гонгадзе привлечь. Ему, как человеку восточному, это должно понравиться. И продумайте, как можно использовать ситуацию в наших собственных интересах. Было бы очень хорошо, – он бросил взгляд на заместителя. – Если бы Смирнову приручили мы, а не кто-нибудь другой.

Заместитель поспешно встал.

– Слушаюсь!

– И последнее, – Лисовский вышел из-за стола и подошел к заместителю вплотную. – Учтите следующее. Федоров

опасный и опытный противник. Так что готовьте все варианты противодействия ему, включая… – он понизил голос почти до шепота. – и его физическое устранение. Как я уже сказал, ставки в этой игре слишком высоки.

Кортеж Гонгадзе приехал к залу официальных делегаций аэропорта Шереметьево, за полчаса до прибытия дневного рейса из Вены. Выйдя из машины, владелец корпорации "Монолит" под оживленный шепот сотрудников аэровокзала прошел через зону регистрации и таможенный контроль, и, оказавшись на летном поле, в сопровождении десятка телохранителей стал медленно прохаживаться в тени одного из стоящих там гигантских аэробусов. Заложив руки за спину, он неторопливо мерил шагами испещренные извилистыми полосами, плиты аэродромного покрытия и низко опустив голову и ничего не замечая вокруг, погрузился в свои мысли…

В последние месяцы он оказался в очень сложной ситуации. События нарастали как снежный ком, стремительно пущенный с горы, и все раннее сделанные им на случай экстренного выезда за границу приготовления оказались бесполезными. Приходилось срочно придумывать какие-то новые, нестандартные решения, чтобы выпутаться из этого, неожиданно свалившегося на него, вороха проблем с наименьшими для себя потерями и последствиями.

Он все чаще стал задавать себе вопрос: "Не пора ли уез-

жать за границу?" Сделать это было легко. Хоть завтра. Загранпаспорт и виза всегда лежали у него во внутреннем кармане пиджака, а билет на рейс до Парижа или любого другого безопасного для него города мира ему был забронирован круглосуточно. Отъезд за границу не представлялся ему сколько-нибудь значимой проблемой. Вопрос состоял в другом! Что было делать с теми многочисленными активами, которые он приобрел за последние пятнадцать лет, всеми правдами и неправдами, здесь, в России? Поспешное бегство из страны наверняка означало бы их потерю. Единственный способ сохранить свое состояние и соответственно свой высокий статус среди элиты мирового бизнеса заключался в их быстрой реализации и переводе вырученного капитала туда, на запад, в страну будущего проживания.

Об этом он думал уже давно, понимая всю непрочность своего положения в этом быстро меняющемся мире и превратности своей нелегкой судьбы. Гонгадзе осознавал, что от того насколько успешно он решит эту непростую задачу, будет зависеть его дальнейшая судьба, и как бизнесмена, и как возможного политика и как просто человека. Понимая это, он отнесся к ее решению со всей присущей ему ответственностью и задействовал все доступные ему ресурсы и возможности.

Готовиться к переводу своих капиталов за рубеж он начал еще во времена своего процветания, когда ничто не предвещало нынешнюю грозу – с помощью наиболее доверенных

советников разрабатывал многочисленные финансовые схемы вывода денег, осторожно подбирал и расставлял на ключевые посты в корпорации преданных ему людей.

Последнее было самым трудным для него. Он всегда отличался крайним недоверием к своим сотрудникам, и даже близкие друзьям и родственники не могли похвастаться тем, что знают его сокровенные тайны. Даже его жена и дети, пользуясь всеми благами от его многомиллионного состояния, понятия не имели, чем он занимается и как зарабатывает свои деньги. В этом же деле, где решалась не только судьба его состояния, но и его личная судьба, доверится он, пока не мог никому.

Перебирая в памяти возможных участников этой сверх ответственной операции, он вдруг вспомнил о Смирновой. Собственно говоря, он и готовил ее в свое время как раз для такого случая. После многочисленных проверок он стал доверять ей даже больше, чем своей жене. Надежда была для него не только подругой и любовницей. Выросшая одна, без родителей, она искала в нем черты присущие отцу. Часто советовалась с ним. Делилась своими мыслями и чувствами. Ему было это приятно. У них с женой родилось три сына, и отсутствие дочери Гонгадзе переживал очень болезненно. Поэтому в Надежде он находил ту, которая эту боль могла хоть как-то смягчить и давала ему возможность почувствовать себя, не только страстным любовником, но и счастливым отцом.

В их отношениях с Надеждой он не чувствовал только материальной основы, которая была обычной и единственной при его общении с другими женщинами. В нем они видели только источник своего материального благополучия. Попади им в руки все его состояние… Последствие этого шага не трудно было бы предугадать!

Надежда тоже не отказывалась от его подарков, но он понимал, что это для нее не главное. Ей был нужен старший друг, наставник и защитник. То, что она захотела уехать в Европу, делать карьеру, вначале взбесило его, но потом, спокойно размышляя на досуге, он лишний раз убедился, что деньги для нее не главное. А из рассказов ее подруг, отметая, все грязное и лживое он понял, что она мечтает о счастливой семейной жизни, и ради этого, готова пожертвовать любыми материальными выгодами. Гонгадзе нравилась такая позиция. Она вселяла в него уверенность в том, что девушка не обманет его, и получение на нее убийственного компромата должно было стать той последней точкой, которая позволила бы ему преодолеть все оставшиеся сомнения и тревоги и остановить свой выбор именно на ее кандидатуре.

События в Австрии изменили его планы, и он, после долгих раздумий, решился с ней порвать, справедливо полагая, что у Надежды, узнавшей о его роли в организации ее похищения, прежних чувств к нему уже никогда не возникнет.

Гонгадзе не ожидал, что события вокруг него будут развиваться столь стремительно. Он оказался застигнутым ими

врасплох. Особенно его беспокоило то, что, по некоторым сведениям, его конкуренты и недоброжелатели стали узнавать слишком много о его тайных финансовых операциях, как в России, так и за границей. Это привело Гонгадзе к мысли, что в его ближайшем окружении, есть люди, работающие на его противников. Он с недоверием стал относиться и к новому руководителю своей службы безопасности, когда узнал, что он слишком настойчиво интересуется теми аспектами предстоящей операции, знать которые с точки зрения Гонгадзе ему было вовсе не обязательно. К сожалению, отказаться от его услуг, учитывая сложившуюся обстановку и возможный переезд за границу, он не мог. Все это говорило о том, что опираться на своих сотрудников, друзей или родственников было небезопасно. Можно было легко наткнуться на подставу. И довериться он мог лишь человеку со стороны, до настоящего времени тесно не связанному с его делами.

Размышляя об исходе предстоящей операции, он снова стал думать о Смирновой как о лучшей кандидатуре на наиболее важную роль, которую он хотел доверить только самому надежному человеку. Роль, в исполнителе которой он не мог и не должен был ошибиться. Так как эта ошибка грозила ему полной катастрофой. Тщательно взвесив все "за" и "против" он все же решил попробовать восстановить их отношения. В любом случае Гонгадзе планировал порвать с ней сразу после своего выезда за границу и вывода всех финансовых

активов в зарубежные банки.

Было ровно без десяти два, когда сверкающая на солнце массивная туша "Боинга", остановилась рядом со зданием аэровокзала. Подъехал, похожий на эскалатор метро трап, и утомленные длинным перелетом пассажиры один за другим стали спускаться к ожидающему их внизу автобусу. Гонгадзе, тяжело переваливаясь на своих коротких толстых ногах, подошел к стюардессе, с очаровательной улыбкой, провожающей пассажиров у последней ступеньки трапа и, став рядом с ней, дал знак охранникам, чтобы те отошли в сторону.

"Похоже, нервничает шеф! Хочет без свидетелей поговорить со своей бывшей пассией." – усмехнулся Лисовский, остановившись в тени стоящего рядом автобуса. – "Никогда с ним раньше такого не случалось, чтобы за полчаса до встречи в аэропорт приезжать."

Разглядывая молодых девушек, выходящих из самолета, Лисовский пытался угадать среди них ту, из-за которой был вынужден срочно приехать сюда, бросив все неотложные дела в офисе. "Велика ли птичка, чтобы так ее встречать!" – недовольно подумал он. – "Могла бы и сама завтра к шефу припорхать. Ни чего бы с ней не случилось."

Он уже проводил взглядом с десяток особ женского пола, весьма подходящих с его точки зрения для роли бывшей любовницы Гонгадзе, когда заметил на верхней площадке трапа вышедшего из самолета Федорова. Рядом с ним он разглядел фигуру высокой, элегантно одетой молодой женщины. "По

фотографии вроде похожа…" – поправляя на лице очки, подумал он. – "Но та была девчонкой, а эта прямо на леди смахивает! Хоть сейчас в Букингемский дворец сажай!"

Женщина грациозно спустилась по ступенькам трапа на летное поле, эффектным жестом поправила свои густые черные волосы и, плавно покачивая бедрами, направилась к Гонгадзе. "Ну, и ну! Вот это баба!" – Лисовский, озадаченно сдвинув брови, с восхищением разглядывал ее. Охранники, многие из которых знали Смирнову еще до ее поездки в Вену, стали перешептываться и указывать на женщину глазами.

Надежда подошла к Гонгадзе и, сняв темные очки, протянула ему руку.

– Здравствуй, Вахтанг! Рада тебя видеть. – поздоровалась она и улыбнувшись, показала ряд ослепительно белых зубов.

– Здравствуй Надя! – Гонгадзе с удивлением смотрел на нее.

Он осторожно взял Надежду за руку и, бегая по ее лицу, изумленным взглядом, сказал.

– Надя! Я… я очень рад, что ты простила меня. К сожалению, я тоже делаю ошибки.

Надежда грустно вздохнула.

– Вахтанг. – она крепко сжала его ладонь. – Главное не делать их в дальнейшем. Давай забудем, что было в прошлом.

Гонгадзе кивнул в ответ головой и, с восхищением в голосе, произнес.

– Надюша! Ты так изменилась! Я просто, не узнал тебя!

– В худшую сторону? – лукаво улыбнулась Надежда.

– Ну что ты! – замотал головой он. – Наоборот. Ты стала настоящей богиней! Настоящей королевой… белой королевой! – добавил он. – Я заказал в твоем любимом ресторане столик. Сегодня я готов выполнить любое твое желание! И, прошу в знак нашего примирения, взять от меня этот скромный подарок.

Гонгадзе достал из кармана пиджака небольшую коробочку и протянул ее Надежде.

Та открыла крышку.

– Вахтанг! Это же бриллианты!? – с радостным удивлением воскликнула она.

– Да любимая! – лицо Гонгадзе засияло довольной улыбкой. – Эта только маленькая компенсация тех неприятностей, которые я доставил тебе. Поехали быстрее. Нам надо о многом поговорить.

Он взял Надежду под руку и вдруг за спинами охранников заметил хмурое лицо Федорова.

– Господин Федоров! Подойдите, пожалуйста. – Гонгадзе поманил его рукой. Обогнув охранников, тот быстро подошел. Гонгадзе раскрыл чековую книжку, что-то быстро написал в ней и, вырвав листок, протянул его Федорову.

– Я благодарю вас за оказанную мне услугу и прошу принять этот чек в дополнение к тому, что вы от меня уже получили.

Стараясь не смотреть на Надежду, Дмитрия Николаеви-

ча взял чек, небрежно засунул его в карман, и, проводив взглядом, уходящую под руку с Гонгадзе девушку, направился вслед за автобусом к зданию аэровокзала.

На столе среди газет, компьютерных дисков и видеокассет зазвонил телефон. Дмитрий Николаевич отложил папку с документами в сторону и нажал кнопку громкой связи.

– Да!

– Вам звонит мужчина, но себя не называет. Соединять? – послышался из динамика похожий на щебет воробья голос секретарши.

– Соединяйте.

Он поднес трубку к уху.

– Федоров у телефона.

– Здравствуй дорогой. Узнал, кто звонит? – послышался в трубке низкий чуть хрипловатый голос.

– Конечно Георгий Васильевич. Рад вас слышать!

– Ну, как у тебя дела?

– Да пока все идет нормально…

Голос в трубке недовольно хмыкнул.

– А что там со Смирновой?

Дмитрий Николаевич зажал трубку между щекой и плечом и, листая страницы, стал быстро просматривать лежащую перед ним папку.

– Я вам уже докладывал, – после секундной паузы, сказал он. – ее внедрение в окружение Гонгадзе прошло успешно.

Сейчас идет период акклиматизации. Пока мы с ней в контакт не вступали. Надо выждать некоторое время, чтобы не привлекать к ней внимания службы безопасности "Монолита".

Голос в трубке зазвучал раздраженно.

– Это я знаю. Но Гонгадзе, похоже, в нее по уши врезался! Второй месяц по всем тусовкам в Москве на веревочке водит. Они из спальни говорят, сутками не вылезают. Может пора ее активизировать?

Дмитрий Николаевич нахмурился.

– Георгий Васильевич, я считаю пока еще рано. – он потер ладонью свое лицо и переложил трубку телефона в другую руку. – Мои люди докладывают, что за ней установлено постоянное наблюдение. Похоже, Лисовский ее тщательно проверяет. По идее так и должно быть. Тем более живет она сейчас у Гонгадзе. И везде появляется только вместе с ним. Даже в магазины ходит не одна, а с охранниками. В таких условиях незаметно провести с ней встречу очень сложно. Мы планировали первый контакт месяца через три-четыре, когда все проверки закончатся. Она тогда расскажет, какая обстановка в окружении Гонгадзе и затем мы уже примем решение, о том, что ей делать дальше. За это время она должна там все хорошенько узнать, и познакомится с новыми для себя людьми.

Голос в трубке нетерпеливо возразил.

– Это я понимаю не хуже вас. Но боюсь, что она может

по-настоящему вернуться к Гонгадзе. Она же к нему сама переехала жить. Никто, не заставлял. Для чего?.. И подарками он ее завалил. Говорят, виллу в Ницце ей хочет купить. Тут любая баба с ума сойдет! Где гарантия, что она будет и дальше с нами работать?

Дмитрий Николаевич тяжело вздохнул.

– Покупка вилы доказывает, что Гонгадзе хочет вывести ее за границу. А то, что она переехала к нему? – он начал нервно постукивать пальцами по столу. – Похоже, ее просто пытаются изолировать, чтобы не допустить утечки информации. Ну и при случае надавить, запугать. Попав в непривычную для себя обстановку, человек быстрее ломается. На месте Лисовского я поступил бы так же. А вот будет ли она с нами работать? – он сделал длинную паузу. – Мое мнение, что да. Я в ней уверен и считаю…

Голос в трубке перебил его.

– Ну, твое мнение еще ничего не значит. Попадет девчонка за границу. Только мы ее и видели. Одним словом, я считаю, тебе надо с ней немедленно встретиться и поговорить. Если она начнет отказываться, предупреди ее, что мы тогда запись вашей беседы в Вене дадим Гонгадзе послушать. Ее надо так прижать, чтобы Смирнова даже не думала с нами разрывать. Что, зря мы ее тогда в Австрии от тюрьмы отмазали и денег на ее внедрение столько потратили! Пускай отрабатывает.

Федоров растерянно спросил.

– Но как я с ней встречусь? Это сразу привлечет внимание охраны Гонгадзе.

Голос в трубке зазвучал снисходительно.

– Я это предусмотрел. Сегодня в клубе "Звездный" будет вечеринка для московского бомонда. Твой клиент, как его… а этот, Панарин возьмет тебя с собой для охраны. Мы с ним на эту тему уже потолковали. А чтобы тебе проще там было, встречу организовать, захватишь с собой Коновалову. Помнишь такую? Ну, все. Жду завтра твоего доклада.

Дмитрий Николаевич медленно положил трубку на место и, вытащив из пачки сигарету, закурил. Легкое кружево сизого сигаретного дыма стало медленно таять перед его глазами. "Черт!" – выругался он про себя. Похоже, все планы рушатся. И что они там так засуетились? Разве не понимают. Один неосторожный шаг и вся операция провалиться… и Надежда сгорит. Он долго, не отрываясь, смотрел на тлеющий в его пальцах огонек сигареты, и когда тот, наконец, потух, отбросил с раздражением ее в угол кабинета и, обхватив голову руками, задумался.

В течение этих двух месяцев он через сотрудников своего охранного агентства собирал подробную информацию о Гонгадзе, выясняя его финансовое положение, как здесь, в России, так и за рубежом. Полученные материалы позволяли сделать однозначный вывод – конец его империи уже не за горами. Проверки налоговых органов и судебные иски конкурентов по бизнесу сыпались на него один за другим. Банки

стали предъявлять требования срочно погасить взятые его предприятиями кредиты. А в ведущих российских газетах все чаще стали появляться статьи о фактах коррупции, связанных с его корпорацией. "Скоро здесь начнется драчка за его собственность." – понимал Дмитрий Николаевич, изучая собранные документы. – "Это очевидно. И, конечно, постараются наложить руку и на его деньги там, за границей."

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.